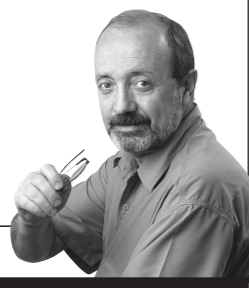

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ / www.rusfond.ru

Тест-драйв на сиротском поле

Лев Амбиндер

руководитель Российского фонда помощи

Двухлетней сироте Ренате из Хабаровска срочно нужна операция в США. У девочки сложный порок сердца, наши врачи ей не помогут. Зато берутся помочь врачи американские. Но в США Рената пока так и не попала. Эта история всплыла на недавнем круглом столе у полномочного по правам человека в РФ Владимира Лукина в связи с дискуссией вокруг практики иностранного усыновления в России. Есть американская семья, готовая удочерить Ренату и оплатить все расходы в клинике. Но у агентства по усыновлению, которое занимается этим делом, закончилась аккредитация. Продлить ее не удается, потому что идет реформа правительства и новому Министерству образования только сейчас поручена такая деятельность.

В стране насчитывается 750 тыс. сирот, а в государственном банке данных сейчас числится 170 тыс. детей, предлагаемых к усыновлению внутри России и за рубежом. По Семейному кодексу сирота не может быть усыновлен иностранцами в течение первых девяти месяцев со дня попадания в государственный банк данных, что создает реальные препятствия для российских усыновителей. Между тем в 2004 году обрели новых родителей всего 8% сирот из соборного списка — поровну внутри России и за рубежом. По оценкам и российских, и иностранных экспертов, это чрезвычайно низкий показатель.

Историю Ренаты на круглом столе в самом начале дискуссии огласила общественная организация «Право ребенка», и больше о Ренате не вспомнили. Будь на встрече сторонний наблюдатель, ему бы наверняка бросился в глаза такая странность: словно девочка всего-то и требовалась что для затравки. А так что ж, дискуссия, по-моему, удалась. Активно обсуждали, в сущности, один вопрос: стоит ли России отдавать ее сирот на усыновление иностранцам, и если да, то на каких условиях и в каких количествах. Как водится, наблюдалось размежевание. По одну сторону были представители Госдумы, Минобрнауки и Минсоцзащиты, по другую — защитники прав человека и иностранные представительства. Первые, будь на то их воля, вообще бы не отдали за границу ни одного ребенка. Вторые, наоборот, отстаивали право сирот на иностранную семью. Говорили много, со знанием дела, у каждой стороны была своя правда, и каждая, как водится, осталась при своем мнении.

И только сироте Ренате из Хабаровска в этих разговорах не нашлось места. Сторонний наблюдатель, сиди он рядом, мог бы подумать: ну хорошо, если мы не отдаем девочку Америке, если во всей России не найдется для нее новой семьи, то почему бы региону или федеральному центру не оплатить лечение Ренаты в США? Не может же такого быть, чтобы настолько уж не хватало денег: «А чего тогда не хватает?» — спросил себя сторонний наблюдатель, и его ответ, боюсь, не понравился бы заинтересованным ведомствам. Если сироты никому не нужны в России, то отказывать этим детям в законном праве на семью, пусть и иностранную, было бы бессовестно.

Логика «патриот-опекунов» можно было бы понять, если бы отечественное усыновление развивалось. У сирот, как у всех, жизнь одна, и прожить ее надо по возможности счастливо. Рецепт хорошо известен: ребенку нужно не казенный дом, пусть и очень хороший, а семья, пусть и неродная. Но у нас в последние 15 лет вместе с ростом беспорядочности росло и число сиротских учреждений. Оно удвоилось. Сейчас комитет по делам женщин, семьи и молодежи Госдумы готовит реформу законодательства об опеке и попечительстве. Она позволит активнее развивать формы семейного, а не интернатного воспитания: патронатные и приемные семьи, семейные детдома. Что, конечно, благо и шаг вперед.

Но проблем усыновления реформа, похоже, и не коснется. Это будет совершенствование именно опеки, и такой выбор по-прежнему оправдан. Если отбросить эфемерный показатель вроде счастья обретенного долгожданного ребенка, то в остальном наш усыновитель крупно проигрывает в сравнении с опекуном. Полностью отвечая за ребенка, усыновитель имеет от государства детское пособие в 70 руб. Опеку же, разделяя ответственность с госорганами, получает зарплату и ежемесячную компенсацию затрат на сироту в объеме прожиточного минимума (в сумме примерно 4000 руб.).

И тем не менее эксперты стоят на своем: желающих усыновить сироту у нас в разы больше, чем реальных усыновителей. Беда в том, что они плохо подготовлены к этой роли, что в одиночку проходят все этапы громоздкой системы усыновления, а это далеко не каждому по плечу. В отличие от иностранцев, на которых в России работает 90 агентств, в том числе 60 американских.

Противники зарубежного усыновления признают высокую эффективность работы иностранных агентств. И это обнадеживает. Значит, выход может быть найден. Нам необходимы такие же агентства, как у иностранцев. Эти неправительственные, общественные (некоммерческие) агентства у них знают свое дело. Они амбициозны и стремятся расширить свой сервис. Многие их сотрудники сами усыновители и знают проблему изнутри. Они знают, что приемных родителей надо готовить. Они знают, какие кризисы поджидают усыновленных детей и новых родителей, как помочь обеим сторонам. Это в том числе и их заслуга, что усыновление сирот в их странах стало делом чести, доблести и славы. А у нас, между прочим, существует тайна усыновления. Вы задумались — отчего? Почему бездетная семья, усыновив ребенка, переезжает в другой район, меняя не только место жительства, работу, но подчас и уклад жизни?

Сейчас заговорили о замене формулы «ребенок для семьи» другой: «семья для ребенка». На самом деле верны обе, бог с ними, с формулами. Но как бы эти попытки решать серьезные проблемы при помощи слоганов не привели к очередной кампанейщине. Вот уже и органы опеки рекомендуют: берите сироту сначала на патронат, и если понравится, то усыновите. А нет, так легко вернете обратно, подалше от греха. От усыновленного же ребенка без суда отказать невозможно. А тут какой-то тест-драйв получается. Как в автосалоне.

Наши Лобановы уже в Германии

На мартовской странице Российского фонда помощи (РФП) (см. „Б“ от 25 марта) мы рассказали о редкой тяжелой болезни восьмилетнего Алексея Лобанова из Уфы и о возможностях лечения его в Германии. Оно обойдется в €26 953, и читатели собрали эту сумму. Елена Лобанова с сыном выехали в Германию, в Фельдки-клиник, начато комплексное обследование Алексея.

У этого малыша редкий диагноз: «лимфаденома», комбинированные нарушения развития лимфатических сосудов, тотальный порок. От этого в Алексее сейчас десять лишних литров жидкости. Немецкие врачи надеются, что удастся провести не только терапевтическое лечение, освободив мальчика от опасных «запасов», но и глубокое обследование, чтобы обнаружить первопричину беды. Затем в кли-

В течение ближайшего месяца за здоровьем Алексея Лобанова будут наблюдать немецкие доктора во Фрайбурге
ФОТО ГРИГОРИЯ ТАМБУЛОВА

Дети разных народов

Семье Эрштейн не хватает места, чтоб усыновить еще двоих детей. Они обрушенные немцы, выросшие в Киргизии и бежавшие после распада Советского Союза в Калининград, потому что в Бишкеке детям в школе нельзя было учиться на родном русском языке. У них фамилия Эрштейн. И четверо детей. Родная взрослая дочь и трое приемных. Они живут в двухкомнатной домишке, который снимают у родственников за 500 рублей. Эта сумма только в Москве кажется символической.

— Никуда бы не уезжали из Бишкека, так бы и жили там, — говорит Людмила Владимировна Эрштейн, живущая теперь в поселке Чермухово Правдинского района Калининградской области. В пятидесяти километрах от Калининграда, в восьмидесяти километрах от моря, почти на самой польской границе. — Я работала швейей, муж работал водителем и сварщиком.

В 1991 году тогдашний президент Киргизии Аскар Акаев сказал, что киргизы — маленький народ, что у киргизов нет армии, но они верят в демократию, готовы защищать ее и умереть за нее. Непонятно, почему защита демократии вылилась в то, что детям Людмилы Эрштейн запретили учиться в школе на русском языке, а одноклассники стали бить их на переменах за то, что они русские, тогда как русские сослали их предков в Среднюю Азию за то, что они немцы. Одновременно у двоих при приеме на работу стали требовать знания киргизского языка, даже если ты работаешь швейей или сварщиком. Одновременно муж Людмилы Владимировны попал в автомобильную катастрофу, и ему отняли ногу. Никакой связи с заявлением президента Акаева, просто черные времена. Русские или русскоязычные знакомые Эрштейнов уезжали в Россию, а Эрштейны не могли уехать до 1993 года, потому что трудно перебраться из страны в страну всей семьей, если глава семьи лежит в больнице.

Сначала они хотели уехать на Украину к родственникам, но Украина принимала только вынужденных переселенцев, не считая, что человек, у которого ребенка бьют в школе за неправильную национальность, вынужден переселиться. В 1993 году они нашли, наконец, работу в колхозе в Калининградской области, и колхоз даже предоставил им квартиру в авари-

Людмила и Александр Эрштейн хотели бы взять еще двоих детей в приют. Они даже уже знают этих детей. Им только нужно купить дом побольше
ФОТО АНДРЕЯ ВЫПОЛЗОВА

рийном состоянии. Правда, через пару лет колхоз обанкротился, а квартира развалилась.

Они переехали в Калининградскую область в 1993 году в начале лета, и через несколько дней после переезда их восьмилетний сын Толик неудачно упал и ударился головой. И врачи говорили: «ну, подумаешь, ударился головой». А в июле 93-го мальчик умер от посттравматического менингита.

— Он так хорошо учился в школе, — говорит мне Людмила Владимировна, как будто бы мальчика было менее жалко, если бы он плохо учился.

Распался Советский Союз, обанкротился, Эрштейны потеряли работу. Людмила Владимировна ездила на заработки в Польшу, а муж и дочка занимались подсобным хозяйством — корова, индюки, огород.

— Слава Богу, — говорит Людмила Владимировна, — у нас есть родственники на Севере, и они купили дом и приезжают сюда только летом в отпуск. А так мы здесь живем, и они нас проплатили. И устачок тут.

Людмила Владимировна не помнит, кто первый заговорил о том, чтобы взять ребенка в детское доме, но помнит, что тема такая возникла лет

через семь после смерти Толика, в конце девяностых.

— Тогда были очень суровые законы по части усыновления, — говорит Людмила Владимировна. — Надо было большой жилплощадью иметь, чтобы тебе разрешили усыновить ребенка. И не было статуса «родитель-воспитатель», когда тебе платят пособие на ребенка и маленькую зарплату как воспитателя. У нас тут рядом детский приют-распределитель, все же видели, как там детям плохо, но взять их никто не мог. Теперь проще.

В 2003 году Эрштейны обратились в Калининградский отдел образования и попросили помочь им взять ребенка в детское доме. Они хотели маленького ребенка, все равно — мальчика или девочку. Но так получилось, что в приюте-распределителе были как раз брат и сестра Таня и Саша. У них литовская фамилия, что, может быть, имеет значение в этой нашей истории про то, как народы переселились и от этого плохо детям.

— Брата и сестру нельзя ведь разделять, — говорит Людмила Владимировна. — Они ведь семья. Их, правда, никто не научил быть семьей, и первое время после того, как мы их взяли, они прятали друг от друга еду и игрушки.

В прошлом году из этого же приюта Эрштейны взяли девочку Аню, просто погостили на каникулы. Но когда каникулы кончились, Аня села на пол и стала плакать и просить не отдавать ее обратно в приют: «Мама и папа, позвольте мне остаться дома».

— Ну как не оставишь, — говорит Людмила Владимировна. — Так смешно, по закону я называюсь родитель-воспитатель, но дети не зовут же меня родитель-воспитатель. Зовут мама.

Они хотели бы взять еще двоих детей в приют. Они даже уже знают этих детей, но оформлению опеки закон запрещает раскрывать их имена. Я могу только сказать, что у детей, которых хотят взять в приют Эрштейны, польские фамилии, если это имеет какое-нибудь значение.

Им только нужно купить дом побольше. По закону государство должно предоставлять детям-сиротам жилплощадь по достижении совершеннолетия. Но не предоставляет почти никогда. Послушайте, если вы поможете Эрштейнам купить дом, то купчая будет оформлена так, что владельцами дома будут дети.

Иначе они будут расти сиротами, а в 18 лет станут бездомными.

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

Дом для семьи Эрштейн обойдется в \$22 000

Людмила и Александр Эрштейн присмотрели дом неподалеку от их нынешнего жилья. В доме шесть комнат, общая площадь 120 кв. м, жилая — 73 кв. м, отопление местное, подведен водопровод. Собственно, это усадьба: есть скотный двор, гараж и земельный участок в 12 соток. Хозяин готов продать все за \$22 тыс. Самим Эрштейнам эту покупку не осилить. Как заявила начальник отдела содействия населению Правдинского района Калининградской области Зинаида Воронкова, доход семьи складывается из опекунских выплат и инвалидной пенсии Александра.

Госпожа Воронкова уверена, что приемная семья Эрштейн — одна из лучших в области: «Их новые дети Саша, Таня и Аня

всегда ухожены, хорошо воспитанны, и если вы ничего про приют не знали, то вам и в голову не придет, что они неродные. У нас все хотят, чтоб Эрштейны взяли еще двоих сирот, как задумали. Но по закону это невозможно, если нет соответствующих жилищных условий».

Юрсты администрации района и заместитель его главы Галина Шуринова предлагают следующий договор купли-продажи дома для Эрштейнов. В случае покупки право собственности получают семеро. Кроме Людмилы и Александра Эрштейн, это их воспитанники Саша, Таня и Аня. И две доли зарезервированы за двумя новыми ребятами из приюта. До приема новичков в семью Эрштейн

эти доли будут находиться во временном владении районной администрации. Согласно договору, в случае если Эрштейны по каким-либо причинам не возьмут новых детей из приюта, их доли отходят к Саше, Тане и Ане.

Как обычно, \$11 500 внесет компания «Ингострах» (подробности на сайте www.rusfond.ru). Таким образом, недостаёт еще \$10 500. Помощь можно перечислить на обсернжну Людмилы Эрштейн, которую мы специально открыли в Москве. Людмила Владимировна будет признательна за любую помощь. Банковские реквизиты есть в фонде.

ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА
РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Из свежей почты

Денис Тотышев, 17 лет, детдомовец, инвалид, нужен персональный компьютер для работы, 33 670 руб.

При рождении я получил вывих бедра и стал инвалидом. Ходить не мог, ползал. Позже были сколиоз, но с ним справились: я долго носил корсет. Родители меня бросили еще в роддоме. Первые семь лет провел в доме ребенка, теперь живу в детдоме. Учусь в девятом классе, занимаюсь на компьютерных курсах. И боюсь будущего. Куда после школы, в дом престарелых? Я перенес десять операций на тазобедренном суставе и ногах, последнюю как раз месяц назад. Уже стою по 15 минут в день. Надеюсь перебраться самостоятельно. Люблю музыку, книги, даже крестом вышиваю. А главное, освоил компьютер. Вот счастье! Огромная просьба: подарите мне, пожалуйста, компьютер! Это не игрушка, а единственный шанс зарабатывать на жизнь. Ведь пенсия всего 1518 руб. и ничего своего, все государственное. Денис Тотышев, Челябинская область.

Завотделом Кусинского реабилитационного центра Елена Резвухина: «Денис серьезный мальчик, очень светлая голова. Мы гарантируем, что еще год он проведет у нас и будет здесь трудоустроен, если появится компьютер. Мы договариваемся с администрацией г. Асбеста, откуда Денис родом, о выделении ему жилья. А когда сможет перебраться, ему обязательно подыщут надомную работу на компьютере. Так что не пропадет».

Таня Шакирова, 6 лет, сколиоз 4-й степени, спасет срочная операция в Новосибирском НИИТО, 193 585 руб.

Я понимаю, вы не в силах помочь каждому, но у меня нет другого выхода. С мужем я в разводе. Живу с родителями-пенсионерами в двухкомнатной квартире, они присматривают за моими детьми. Тане шесть, Егор на год младше, а Никите только два года. Чтобы прокормиться, вышла на работу (сортировщица на базе площадью 2 тыс. руб.). Егор в садике, а малыш и Таня с бабушкой. Дочке в детсад нельзя, она инвалид. В два года заметили, что у нее кривая спинка, стали наблюдать в Нижегородском НИИТО. Таня почти не растет, жалуются на боль в спине, ходит медленно. Записались бы на операцию, но наш главный ортопед сказал, что оперировать ее надо только в Новосибирске. И там берутся помочь! Лечение бесплатное, а вот металлоконструкция, которой укрепят позвоночник, страшно дорогая. На сердце камень, ведь ничем не могу помочь своему ребенку. Марина Шакирова, Нижегородская область.

Завотделением Новосибирского НИИТО Михаил Михайловский: «У мальчика деформация позвоночника уже около 100 градусов, это самый страшный вариант сколиоза: раннее начало и злокачественно быстрое прогрессирование. Очень страдает сердце и легкие. Срочно оперировать! Использую специальный педиатрический вариант имплантата CD (российских аналогов нет). По мере роста девочки его придется перемонтировать, но не менять».

Миша и Андрей Агаджаньяны, 4 года, детский церебральный паралич, требуются четыре курса лечения, 134 000 руб.

Дорогие мои! Спасибо всем, кто откликнулся и помог лечить моих мальчишек! Пусть вам сопутствует удача! Мальчики прошли первые четыре курса в НТЦ психоневрологии, а Мише на ваши деньги еще сделали две операции в Туле. Егор я планомерно занимаюсь лечением. Ведь после кесарева сечения, спасшего жизнь и мне, и близнецам, у детей был отек мозга. Прогноз — тяжелой не бывает. А теперь Андрей ходит, говорит сложными предложениями. У Миши дела хуже, но он уже стоит у опоры и ходит, держась за руки. У обоих улучшилось зрение. Они играют в сюжетные игры! Их много сильно пострадал от наркоза, но сохранный клеток достаточно, чтобы выполнять функции поврежденных. Я не работаю! Мишу и в спецшколах не берут. Живем на пенсию 5500 руб. и детские пособия. Муж получает 5500 руб. Мише на 28 апреля назначена операция по подрезанию мышц и сухожилий, а за ней — курс интенсивной терапии. Умоляю, помогите! С благодарностью, Елена Бозатова, Москва.

Невролог НТЦ психоневрологии Ольга Степаняц: «Мальчики очень перспективные. Нарушения координации движений и шероховатость речи Андрея мы уберем за один курс, он сможет учиться в массовой школе. А Мише нужно не менее трех курсов, чтобы научиться ходить и себя обслуживать».

Ольга Митрофанова, 46 лет, инвалид 1-й группы, вдова, нужна инвалидная коляска, 30 164 руб.

Теперь я твердо знаю: каждый может реализовать себя независимо от обстоятельств. Главное — не падать духом и работать по мере сил. Мне 46 лет, 19 из них я обездвижена. В автостраффе я получила перелом грудного отдела позвоночника и повреждение спинного мозга. Врачи сделали все, что могли. Я знаю, что ходить не буду. Что же, не судьба. Увлеклась шитьем, особенно заинтересовал пэчворк (лоскутная техника). Постоянно приходят новые идеи. Творчество обновило мой взгляд на мир, дало ощущение стабильности. Одна беда: я пожизненная колясочница, а моей коляске 18 лет. Муж закреплял и уменьшал ее, а то в двери не проходила. Мужа нет уже, скончался. Коляска развалилась. Колеса стерлись до ободов, подножка на веревочке. Нам с дочкой ее не обновить. Катюша у меня студента-заочница, работает кассиром в магазине. Все доходы 5400 руб. на двоих. Ольга Митрофанова, Тульская область.

Менеджер фирмы «Катаржина» Татьяна Казарчук (Москва): «Ольге подходит коляска „Крошка РУ“, она облегченная, малгабаритная, складная. И колеса литые. В комплект также входят подушка от пролежней, сиденье для ванны и доставка».

Наталья Ждановская, 1 год, врожденный порок сердца, спасет срочная эндоваскулярная операция, 186 600 руб.

Внимание! 75 тыс. руб. внес благотворительный фонд «Русский дар жизни» (США). Не хватает еще 111 600 руб.

Я много слышала, как вы помогаете людям, но и представить не могла, что самой придется искать у вас помощи. Нашей малышке нужна срочная операция на сердце. Если сделать сейчас, можно обойтись щадящим, эндоваскулярным методом. Натальеньке не будут разрезать грудь, не полезут руками в сердце! Она слабенькая, наркоза при операции на открытом сердце не выдержит. В мае Наталье исполнится два года, а она до сих пор с рук не сходит. Бубки сильные, во сне тяжело дышит. В январе нам сказали: пора оперировать, ждать нельзя. Я как узнала, сколько это стоит, так руки опустились. Муж рабочий, платит 1700 руб. Живем в деревенском доме с печкой. Так что и продать нечего. Нина Прибыток, Томская область.

Ведущий специалист НИИ кардиологии НИ СО РАМН Сергей Иванов (Томск): «У ребенка повышено давление в левых отделах сердца и функционирует овальное окно (обычно оно закрывается через два-три месяца после рождения). Лучше закрыть дефект в межжелудочковой перегородке эндоваскулярно, без серьезного наркоза. Мы настаиваем на немедленной операции. Иначе шансы на полное восстановление чрезвычайно малы».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Б“, журнале «Домовой» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помочь. Читателям затая понравилась: всего собрано свыше 87,85 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зырянская» (Кузбасс), 57 семьям горевших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгограде, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252, г. Москва, а/я 50;
www.rusfond.ru; e-mail: rfp@kommersant.ru.
Телефоны: (095) 943-91-35, 158-69-04 (тел./факс).

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».